— Никогда бы не подумал, что в итоге вернемся в Республику.

— Только весьма паршивое получается, это триумфальное возвращение.

Рассвет. Ночное небо поля боя начало растворяться в лазурной темноте.

Процессоры после окончания инструктажа перед отправкой разминали ноги. Они находились на одной из баз передового развертывания на западном фронте Союза, в основном используемой бронетанковыми подразделениями в подвижной обороне.

Оказать содействие в эвакуации своему гонителю, Республике. Им отдали приказ сражаться ради защиты жителей той страны, несмотря на это дети-солдаты не выказывали на своих лицах ни недовольство, ни озабоченность. Вообще-то они просто болтали, отшучивались и смеялись перед предстоящей миссии помощи.

— В смысле, второй раз уже спасать будем Республику, если считать первое крупномасштабное наступление.

— Вау, да мы классные. Представь, а: дважды спасать своих обидчиков. Святые, мать его, люди.

— Трижды для нас, отряда Ликаон. Мы, наверное, уже ангелы.

— Точно, это же было вашим первым заданием.

— Так держать.

— Хорошая работа, архангел Митихи.

— Как думаете, народ в Республике в этот раз изменится? Может, даже выразят признательность?

— Надеешься, что они будут вести себя более адекватно? Как Лена и Дастин, например?

— Не.

— Забудь, шансы мизерные.

— Блин, ну и паршивая все-таки поездка выйдет.

Дети-солдаты трепались без единого намека на недовольство, озабоченность и даже

беспокойство по поводу того, как военная ситуация обернулась против них. Они все говорили, шутили и смеялись.

□

— Вот мы и встретились снова, капитан Ноузен! Где эта нахальная лизоблюдка?! Я ведь, кстати, так и не спросила ее имени!

С наигранным волнением с ним заговорило само воплощение красного: кроваво-красные волосы, алое платье, рубиновая тиара и багряный плащ. Или вернее, талисман Свободного полка Мирмиколеон эрцгерцогини Брантолот, Свенья Брантолот.

— …

Отвернувшись от нее, Шин обратил внимание на командира Свободного полка, майора Глайвица Гюнтера. Шину вполне хватало тех часов сна, но сейчас было раннее утро. Фредерику он еще мог вытерпеть, но настроение явно не располагало к тому, чтобы выслушивать визгливого ребенка.

— Насколько слышал, ваш Свободный полк, который вообще-то должен быть диверсионным, разместили на передовой? — спросил он, одной рукой остановив подходящую к нему писклявую девочку.

Глайвиц кивнул. Затем, как ни странно, весьма грубым движением увел принцессу в сторону.

— Благодаря усилиям начальника штаба неожиданная атака обошлась минимальными потерями, впрочем, это не значит, что обошлось без жертв, — ответил Глайвиц.

Сейчас они находились на новой передовой западного фронта, третьего формирования линии Зентис-Хистрикс. На месте уже были установлены огневые точки, противотанковые заграждения (зубы дракона) и противотанковые орудийные платформы. Когда линия фронта сместилась назад, позиция была укреплена спешно подготовленным, но достаточно плотным минным полем.

Дополнительно привезли железные леса, из которых сделали противотанковые заграждения, и ряд противотанковых пушек. В настоящее время сооружались огневые точки из железобетона. Они старались как можно быстрее установить минимальное укрепление, необходимое для резервного формирования. И такие работы велись по всей линии Зентис-Хистрикс.

Вдоль формирования основные силы представлены пехотинцами, на второй линии — бронетанковыми подразделениями, в том числе Свободным полком Мирмиколеон. Главная стратегия западного фронта оставалась неизменной даже после отступления: подвижная оборона. Что являлось свидетельством того, как важны бронетанковые войска для Союза.

— Свободные полки у других владений тоже теперь закреплены за фронтами. Думается мне, ваша ударная группа осталась единственным диверсионным подразделением. — На этих словах улыбка Глайвица померкла. — В последней операции принцесса обнаружила ту башню, Ускоритель масс. И мы все равно вовремя не поспели. Сожаление пожирает нас. Это… неприятное чувство.

— …Ага.

Шин и его группа думали о том же — что вовремя не спохватились. Ведь они видели Ускоритель масс за месяц до Свеньи и Глайвица. А именно во время операции на Мираж-Шпиле… и на самой первой миссии в Подземном лабиринте Шарите. Если бы они только смогли спрогнозировать атаку спутниками, если бы еще тогда предвидели надвигающийся катаклизм…

Шин вновь подавил в себе эти эмоции, но Глайвиц зорко подметил это и нахмурился.

— Ты в порядке, капитан?.. С учетом изменившейся ситуации приходится, наверное, испытывать стресс. Молчу уже про вашу королеву.

— Есть такое… Но мы пытаемся не вовлекать сюда наши чувства. Разгар операции, как-никак.

Шин вздохнул. Некоторые из процессоров, только недавно восстановившихся от ранений, могли пилотировать Регинлейв, но их здоровье все еще не позволяло участвовать в сражениях. Поэтому они выступали пилотами для офицеров управления и тактических командиров.

Шин издалека как раз видел закрывающийся фонарь Грималкина* Саки, в котором находилась Лена.

[П/П: Архаичный термин для обозначения кота. Раньше ассоциировался с ведьмами.]

Между делом, командир бригады, Грета, пилотировала свой Регинлейв, тогда как Марселю не посчастливилось стать ее партнером.

Саки отрапортовала о завершении приготовлений. Приняв это за сигнал, Шин переключился на другую задачу и холодно ответил:

— Я понимаю, о чем вы спрашиваете… Я в порядке.

Операция началась с первым лучом света в небе.

— Инициировать запуск. Яростная армия… пуск!

При помощи Мантии Фригг Регинлейвы высадились за Легионом, противостоящим силам западного фронта. Первой коснулась земли 4-я бронетанковая дивизия ударной группы.

— Суюи Токанья, Банши, есть касание. Обеспечить контроль над районом.

В то же время главные силы Союза начали наступление. Они приступили к уничтожению Легиона вокруг железнодорожных путей вплоть до рубежа Водолей, расположенного в шестидесяти километрах от точки Зодиака на западном фронте.

И по образовавшейся бреши…

□

— Вот и мы! Катоблепас, полный вперед!

3-я бронетанковая дивизия Ханаан прошла через брешь. За ними следовала 2-я бронетанковая, в ее задачу входило обеспечить безопасность на пути к Республике.

— Начнем расчищать путь до рубежа Козерог в девяносто километров отсюда и сопровождать 4-ю бронетанковую дивизию. Артиллерия, вдарьте по врагу!

□

Свенья вдруг вскрикнула со своего места стрелка, от чего Глайвиц в кабине вздрогнул. Свободный полк Мирмиколеон в данный момент не участвовал в бою, но операция, несомненно, была в самом разгаре.

— Братик! Я опять забыла спросить имя талисмана!

— О…

Глайвиц вздохнул. И это все? Кроме того, даже если бы не забыла, Шин все равно бы не сказал.

— Принцесса, очень прошу, при следующей встрече прояви вежливость и поинтересуйся именем у нее самой, а не у капитана.

□

Вооруженным силам Союза удалось закрепиться вплоть до рубежа Рыбы в тридцати километрах от точки Зодиака. 3-я бронетанковая дивизия Ханаан прошла двести двадцать один километр, где располагался рубеж Весы, а 2-я бронетанковая Сири зачистила путь до рубежа Рак в трехстах километрах от Зодиака.

До Республики оставалось всего девяносто километров.

—

— Так, Ноузен, на тебе остаток!

— Ага.

В бой вступила 1-я бронетанковая дивизия Шина и Лены. Они начали прорываться через территории Легиона на своем пути до границы восемьдесят пятого сектора Республики, до стены Гран-Мюр и потом до восемьдесят третьего сектора. На расстоянии четыреста километров проходил рубеж Овен.

В рядах дивизии находились одни только Регинлейвы и падальщики, никакой транспорт за ними не следовал. При худшем развитии событий им придется отступать назад, поэтому обошлись без медлительных и неповоротливых Ванаргандов.

Экспедиционные войска действовали в тандеме: они вышли встретить их из Гран-Мюра, чтобы открыть путь с другой стороны. Рубеж Телец в трехсот шестидесяти километрах преодолен, марш продолжался.

В пределах видимости появился Гран-Мюр. Пока Могильщик мчался вперед вместе с Регинлейвами, мимо под свечение осеннего утра в Республику из Союза пронесся первый поезд.

†

— Могу я задать вопрос, генерал-майор? Всем беженцам Республики было заранее сказано собраться в восемьдесят третьем секторе, правильно? Тогда откуда этот дым?

— Они жгут хранилище документов в правительственном учреждении в двадцать четвертом секторе.

Будучи командиром сил спасательной экспедиции, генерал-майор Ричард Альтнер находился на командном посту в точке Сакра — вокзал в бывшем городе Илекс в восемьдесят третьем секторе. С целью обеспечить защиту минимальными силами, оставшимися в Республике, все население страны было переведено в восемьдесят третий сектор и три соседних сектора в соответствии с их временем отправления.

Восемьдесят третий сектор представлял собой промышленную зону, и те, у кого отправка запланирована на второй день, должны будут провести ночь в заброшенных бараках или времянках в этом секторе.

Однако, как прокомментировала Грета, с мэрии — из которой сделали временный командный пост — был виден поднимающийся на фоне города столб дыма.

Ричард стоял у длинного стола, заваленного бумажными документами и картами, тогда как вся остальная информация выводилась на голографические окна. Не отрывая единственного глаза от голограмм, которые по мановению мог просто выключить, Ричард саркастично хмыкнул:

— В первом секторе тоже так сделали. Видимо, гора бумаги там настолько огромна, что не смогли избавиться от нее до эвакуации. Говорят, управятся только к последнему поезду в третий день… Тяжело приходится стране, которая полагается на бумажные документы.

— А они между делом не жгут компромат? — спросила Грета.

— Так просто выйти сухими из воды у них не выйдет. Все самое важное мы скопировали, когда спасли их в прошлом году. Правительство Республики попросило перевести заодно нужные документы в оригинале.

Ричард указал на группу уезжающих транспортных грузовиков, загруженные материалами.

Было первое утро операции, которая будет идти непрерывно три дня. Все высокоприоритетные нонкомбатанты Союза покинули страну немногим ранее на первом поезде. Теперь их задача — на протяжении всей операции погружать жителей Республики на эвакуационные поезда, которые будут ездить туда-обратно.

На данный момент эвакуация политиков, высокопоставленных правительственных чиновников и бывшей знати из первого сектора произведена без накладок. Селены из второго по пятый сектора, а также генералы и полевые офицеры либо погружаются на поезд, либо ждут следующего.

— Среди тех оригиналов есть и другие документы. Например, личные дела «восемьдесят шесть».

— Их мы сразу отправили в Союз для тщательного изучения. Эти дела для нас самые настоящие сокровища, и нельзя позволить Республике их испортить.

Они послужили бы подтверждением злодеяний Республики и милосердного правосудия Союза для остальных стран.

Один из обсуждаемых «восемьдесят шесть», Шин, стоял позади Греты. Ему стало немного

неприятно от грязной реальности, о которой говорили два взрослых. Он хотел, чтобы они хотя бы попытались сглаживать углы правды. И вместе с тем ему было спокойно от того, что он не пришел сюда с Леной.

Уведя от них взгляд, Шин выглянул в окно: с платформы как раз отправлялся поезд. Затем сработал перевод рельс, что позволило другому поезду заехать на платформу.

Под руководством военной полиции Союза солдаты и офицеры набивались в вагоны. На противоположной стороне, предназначенной для высадки пассажиров в Республику, прибыл другой поезд — уже пустой после высадки беженцев в другой стране. Он ожидал перевода рельс. Судя по прицепленным десяткам вагонов, позже в него погрузятся немереное число беженцев.

Тем временем на площади перед вокзалом Илекс выстроились в ряд автобусы, из которых выходило бесчисленное множество людей, вынужденных теперь ждать поезда. Это также были офицеры Республики в форме цвета берлинской лазури: генералы и полевые офицеры, их отправление запланировано с утра до полудня, то есть проводилось прямо сейчас.

Под охраной солдат Республики — вероятно, обер-офицеры, чья эвакуация будет проводиться после полудня до вечера — они шли через пустую площадь и молча заходили внутрь станции.

Граждан, которых должны защищать, просто оставили позади и даже не удостоили взглядом споры между брошенными жителями и солдатами.

Дойдя до платформы, офицеры в возрасте начали жаловаться на невиданные ими ранее переполненные вагоны. Шин невольно испытал некоторое сострадание к военной полиции Союза, вынужденных бесстрастно игнорировать все причитания.

— Республиканские солдаты эвакуируются раньше остальных, — сказала Грета, глянув в том же направлении, что и Шин. — У них не должно быть права жаловаться.

— Этим утром мне довелось выслушать эти их претензии, — фыркнул генерал-майор Альтнер. — Они были недовольны отсутствием роскошных вагонов.

Абсурд. Сейчас явно не время капризничать, тем более у них нет прав жаловаться армии другой страны.

— Самое большое, что мы сделали, — выделили политикам отдельные вагоны. На любые другие требования нам плевать с высокой колокольни. Мы здесь не затем, чтобы обеспечить им комфортное путешествие. Им достались поезда, у которых и без них нашлось бы применение, вроде перевозки наших людей и Ванаргандов. Если есть какие жалобы на обращение или порядок отправки, пусть остаются в стране.

— Значит, на порядок тоже уже успели пожаловаться…

— Да. Правительственные чиновники и бывшая знать побежали на первые поезда. Они убрались до того, как жители заметили бы их, а за собой поставили офицеров, чтобы их уход уже увидели. Сделали из них козлов отпущения… на кого и отвели гнев граждан, задвинутых на задний план… Наверное, уже привыкли перекладывать вину на других.

Точно так же армия некогда вылила злость и обиду на «восемьдесят шесть». Правительство сделало так, что офицеры словно «спешат бросить жителей». Очевидный враг… на которого граждане обратят внимание в первую очередь. Так высокопоставленные лица останутся подальше от глаз и гнева общественности.

— Можно лишь надеяться, что сами чиновники найдут тех, на кого смогут вылить свою обиду. На Патриотических рыцарей, например.

Чистокровные, белоснежные Патриотические рыцари Святой Магнолии. Группа, обратившаяся к Союзу с указом вернуть «восемьдесят шесть», чтобы воспользоваться ими в качестве национальной обороны Республики. Они требовали возвратить долг защищать страну, который Союз поручил жителям Республики, в то состояние, каким он был до крупномасштабного наступления. Их лозунг взыскал поддержку у общественности.

Шин и его друзья называли таких Отбеливателями. Их деятельность провалилась целиком и полностью — мало того, что «восемьдесят шесть» не вернулись в Республику, так еще и второе наступление Легиона вынудило бросить эти земли. И в этой эвакуации Отбеливатели…

— Они в итоге отправились вместе с высокопоставленными лицами? — спросила Грета.

— В отличие от военных Республики — те некомпетентные, но хотя бы не беспомощны, — чиновники и бесполезны, и слабы. А значит их легче обвинить, особенно когда находятся прямо перед тобой.

Услышав это, Шин почувствовал себя крайне удрученно. Ему было противно. Но не от них, а от себя. Как он мог тогда настаивать, что в мире и людях нет ничего прелестного? Казалось, он увидел все гадкие стороны человечества, но сколько же уродства было еще скрыто.

Только теперь до него дошло, что никто не собирался прятать неприятную правду — он больше не был ребенком.

— Как вы понимаете, решение не брать полковника Миризе оказалось мудрым. Если бы жители увидели ее, кто знает, как развязался бы у них язык?

Для нее это родина. Город представлял собой часть страны, Альба — соотечественников. Услышь она оскорбления в свою сторону сейчас, когда разваливается страна, и на сердце

определенно будут высечены глубокие шрамы.

С этими словами Ричард перевел взгляд на Шина.

— Но то же применимо и к вам, «восемьдесят шесть». Я и не представлял, что для помощи Республике они пошлют ударную группу. Родину, видимо, совсем прижали к стенке, раз так все вышло.

Когда Ричард одним глазом посмотрел на Грету, та небрежно пожала плечами:

— Роль ударной группы состоит только в содействии отступлению. Размещение и руководство над беженцами в руках администрации Республики. А военная полиция сопровождает до поездов. Если что-нибудь случится и появится нужда взаимодействовать с жителями, можем отдать их на попечение отряда Нордлихт. «Восемьдесят шесть» контактировать с ними не будут, поэтому проблем возникнуть не должно.

Военные Союза вовлечены в эвакуацию Республики по минимуму. Впрочем, у них в принципе нет ни обязанностей, ни полномочий назначать куда-либо, командовать кем-либо или принуждать к чему-либо граждан другой страны. Народ Республики — не народ Союза. Солдаты Союза могли силой принудить граждан своей страны эвакуироваться, но они не делали того же самого — и не могли сделать — с гражданами Республики.

Хотя с учетом военного положения им хотелось отдать приоритет безопасности своим нонкомбатантам. Солдаты, военная логистика Республики, коммуникации, транспорт и дивизии военной полиции уехали на первых поездах.

— Мнение полковника Вензель я услышал, теперь мне бы хотелось услышать твое мнение на этот счет, капитан Ноузен… Можешь говорить все, что на уме. Я выслушаю абсолютно все.

Недовольны ли «восемьдесят шесть» необходимостью спасать Республику? Шин задумался, прежде чем ответить на вопрос.

— На выполнение операции у нас есть всего семьдесят два часа, мы не можем впустую тратить время на бессмысленные споры и препирания. С этой точки зрения, как мне кажется, вполне логично позиционировать нас таким образом, чтобы не было контакта с жителями Республики.

— Хм-м? — удивленно повел бровью Ричард.

Шин продолжил также равнодушно, словно совершенно искренне не проявлял интереса. Его голос отражал, как мало его заботила Республика.

— Больше мне нечего сказать. Жалоб нет. Это миссия, а мы — солдаты. Потому и решили вернуться в Республику… Нам было позволено сделать выбор. Поэтому…

Поэтому…

— Я никогда не хотел и не начинал мстить народу Республики. Еще с восемьдесят шестого сектора они мало интересовали меня, сейчас интересуют еще меньше. У меня нет желания спасать их, но и видеть их смерти я тоже не желаю. Поэтому оставаться по возможности непричастным к их делам для меня вполне достаточно.

Он уже не испытывал к ним злобу… не держал обиду.

— Больше мы не дадим им встать на пути наших жизней… даже в воспоминаниях.

Часы на оптическом экране Регинлейва Тору, Бармаглот, показали, что уже перевалило за полдень. Настал черед младших офицеров — обер-офицеры и их семьи — садиться на поезд.

Легион не провел любого рода наступления на Гран-Мюр. Они также не вторглись ни в восемьдесят третий сектор, ни в три окружающих его сектора. Согласно предварительной разведке территорий Шина и патруля экспедиционных войск из Ванаргандов, сегодняшний день был из разряда чудесных осенних.

И все же Тору заметил нечто, мешающее такому виду: неутихающие перепалки на площади перед вокзалом Илекс. Между жителями и солдатами или между солдатами и административными должностными лицами, руководящими эвакуацией. Жители Республики также без остановки спорили друг с другом.

Обер-офицеры, присматривающие за площадью, начали эвакуацию: вокруг участка, выложенного из белых каменных плит, возвели импровизированный забор. Роль охраны перешла к административному персоналу. Площадь заполонили солдаты в военной форме цвета берлинской лазури, снаружи за забор цеплялись жители в повседневной одежде и бросали оскорбления.

По обе стороны от единственного входа на площадь валялись горы чемоданов. У одного молодого офицера был толстый альбом, и когда его точно также бросили в кучу, он разорался на сторожа, который и сделал это.

На эвакуацию миллионов жителей у них выделено всего семьдесят два часа. Три дня подряд поезда будут прибывать один за другим и уезжать, забитыми людьми. Выходило, что для багажа места нет.

Жителям разрешалось взять только то, что было на них самих. Заранее предупредили не брать любого рода кладь. Но они все равно брали вещи с собой и вынужденно расставались с ними на входе, где уже образовались груды чемоданов.

От альбома молодого человека безжалостно избавились. И по всей вероятности, он представлял собой драгоценную память. Вполне возможно, это единственное оставшееся воспоминание о его семье.

Молодой человек набросился с криками, вопил, но сторож, такой же молодой из числа административного персонала, выглядел растерянным и словно вот-вот заплачет.

Тору наблюдал за этим из своего Бармаглота. Не потому, что хотел помочь с эвакуацией. Военные Союза не вмешивались и даже права на то не было, им можно только сопровождать беженцев к поезду. Ему просто нечего было делать: командующий операциями, Шин, ушел во временный командный пост. Вот почему он решил понаблюдать за эвакуацией.

Хотя одного Регинлейва, неподвижно стоящего неподалеку, уже хватало, чтобы вселить страх в беженцев. По итогу молодой офицер без видимой причины бросил взгляд на Бармаглота и отказался от альбома. Офицер из числа администрации благодарно склонил голову.

Он уже несколько раз видел этот жест, и до сих пор чувствовал себя странно.

— …И еще, чего белые свиньи устраивают грызню, когда дела становятся совсем плохи? Жалкое зрелище.

Затем он услышал еще один выкрик и очередную ругань, которая пронзила осеннее небо. В этот раз с участка за площадью, где толпились жители, ожидающие своей очереди сесть на поезд. Прозвучавшие оттуда голоса упрекали и критиковали.

— А почему посадка начинается с вас? Почему солдаты идут первыми? Мы как могли поддерживали вас, а вы даже до крупномасштабного наступления ничего не добились! Ни разу не угрохали этот Легион!

— Вы никогда не старались защитить нас, мирных жителей!

Громкий лязг забора подавил крики. Рука, пройдя через зазор, схватила кричащего жителя за воротник и притянула его. Рука принадлежала солдату за забором. Он должен был отправиться первым и оставить беззащитных жителей, но сейчас орал с той же надменностью.

— Да это вы не сражались! — огрызнулся он. Его серебряные глаза пылали неподавляемым гневом и ненавистью. — Ни во время крупномасштабного наступления, ни после! Вы спихнули эту задачу на нас! Заставили защищать вас, а сами бегали и кудахтали, как куры с отрубленными головами! Мы там гибли, а вы просто жаловались, и даже когда Союз показался, всеми способами устранялись от службы! А теперь нас называете бесполезными?! Вы и пальцем ни разу не пошевелили, какая к черту помощь?! Только под ногами путались!

Они сцепились и ругались. Жители с серебряными волосами устроили перебранку с солдатами,

чьи волосы и глаза были того же цвета. От этого уродства сердце Тору заполонили горькие эмоции. До начала операции Крена сказала, что дело вовсе не в «восемьдесят шесть».

Белые свиньи перекинут любую проблему на кого-то другого, даже на таких же, как они, белых свиней.

Если захотят, они могли кого угодно — даже своих — сделать изгоем, лишив неугодных чувства товарищества и братства.

Они не собирались взваливать на себя бремя неприятностей или ранений, сражений или смерти, и радостно сваливали их на других лиц. А потом все равно строили из себя жертву и безответственно требовали отстаивания своих прав.

Уродство… да, именно оно.

Еще в восемьдесят шестом секторе он злился на белых свиней и презирал их. И все еще презирал. Но прямо сейчас белые свиньи вели себя слишком по-уродски. Слишком убого.

Они банально не заслуживали его презрения.

— Вот же бред. Когда они дошли до такого, уже кажется глупым злиться на них.

Попрощавшись с генерал-майором Альтнером, Шин шел через шумный командный пост, как вдруг обратился с вопросом к остальным трем командующим операциями, которые во время всего разговора были синхронизированы с ним через парарейд.

— Я знаю, что сказал ранее… Но разве вам не следует тоже высказаться?

— О, э-э-э, ну да… Я плюс-минус думаю также, — ответила Суюи.

«Мы в порядке, пока не взаимодействуем с ними. Не горим желанием спасать, но это не значит, что мы хотим их смерти».

— Кроме того, — произнес Ханаан, — для нас… в смысле для «восемьдесят шесть» не из вашего «Остриё копья» в этом, по сути, нет ничего нового, Ноузен. Когда мы бились в прошлом крупномасштабном наступлении, получалось, что тем самым непосредственно защищали белых свиней. И теперь у людей Республики нет иного выбора, кроме как сражаться. Военная ситуация и так катится к черту, а если они со слезами побегут в Союз за пощадой, сомневаюсь, что с ними будут обращаться лучше того, как сами белые свиньи обращались с нами. Честно говоря, мне кажется, такого наказания вполне достаточно. И поделом.

— Соглашусь, но… при Лене, Аннет или Дастине такого не говори.

— Э, ну разумеется. Не хочется мне, чтобы кое-кто отрубил мне голову лопатой, а другой кое-кто как бы невзначай выпустил по мне ракеты.

Под вторым «кое-кто», должно быть, подразумевалась Анжу. Кстати, Шин ведь еще не бросил в Дастина открытую банку с краской или кремовый пирог. Кто-то предлагал сделать это во время отпуска в октябре.

…Но опять же, ему показалось плохой приметой упоминать о забаве только затем, чтобы отложить на потом. Поэтому Шин решил, что по завершении миссии надо будет хотя бы вылить на него ведро холодной воды.

— О, чуть не забыл, Ноузен. Позволь Райдену и остальным сбросить на тебя ведро воды. Операция хоть и началась, но пусть покрестят до самого отступления.

— Да… конечно. Обойтись без этого — точно флаг, предвещающий смерть. Один огромный флаг у нас и так есть в качестве полковника, пилотирующая Регинлейв. Если что-то все-таки случится, это ляжет тяжким грузом на мою совесть. И совесть полковника тоже, — сказал Шин.

— Шуга с остальными хотели проделать это в отпуске, скажу тогда, чтобы подвинули планы, — произнес Сири. — Обольем водой заодно тех из нас, кто отношения решил построить. Бесят.

Шин умолк. Он не знал, что с ним тоже планировали так поступить. Еще и Сири, кажется, сказанул лишнего в конце.

— Ты только Лену не трогай… — выразил недовольство Шин, надеясь по крайней мере на это.

— О, понятное дело. Скажешь еще. Мы не настолько глупы.

— Девушка-то щуплая. А если простудится? Бедняжка.

— Кроме того, по-моему, полковника уже достаточно раз крестили, совсем недавно… и когда случилось крупномасштабное наступление, — криво усмехнулась Суюи. В ее голосе слышались слегка горьковатые нотки.

— Ладно, давайте вернемся к теме. В то время на самом деле интересно было. Белые свиньи вели себя как высшая раса, нас считали низшими существами, но, когда Гран-Мюр пал, они оказались бессильными. Не будь нас там, Легион бы просто раздавил их. А они были такими тупыми, что даже не понимали этого, и продолжали визжать… Неплохое чувство, да. С одной стороны ты понимаешь, что они заслужили такую участь, а с другой — осознаешь, что их жизни в твоих руках. Забавно.

Они могли сделать выбор: бросить или спасти. Оскорбили? Тогда можно великодушно закрыть глаза или обидеться и преподнести Легиону. Это ощущение из разряда…

— …Как бы выразиться? У нас имелась власть играться с ними, как только захотим, но мы так делать не стали. Это заставляло нас чувствовать себя всесильными. Было весело.

Мрачное довольствие сильного, доминирующего над остальными.

— Два месяца к ряду мы могли злоупотреблять этой привилегией, как душе угодно. Достаточно долго, чтобы устать. Так что теперь, думаю, обойдемся без этого чувства.

— …

— Меня все подмывало спросить у тебя, Ноузен, как справится ваша группа. У вас ведь не было шанса выплеснуть эмоции.

— О том же на самом деле можно и тебя спросить, Сири. Тебе так сильно осточертело защищать белых свиней, что взял, да соорудил базу где-то в другом месте… Не напрягает?

Сири в ответ отмахнулся. Во время крупномасштабного наступления ему совсем не понравилась идея слушаться Лену из Республики, поэтому он организовал собственную базу, где командовал сам, на южном фронте.

— Ну… Как ты заметил, тогда меня в самом деле не устраивало помирать ради белых свиней. Поэтому я отказался подчиняться полковнику Миризе… М-м, но сейчас…

□

— …сейчас такое чувство, будто вся злость куда-то испарилась.

Рито и другим членам отряда Клеймор не нравилась идея сражаться под началом Республики во время крупномасштабного наступления, поэтому они предпочли Лене Сири. У них это также впервые, когда защищать приходится непосредственно жителей Республики.

Рито находился во 2-м батальоне 1-й бронетанковой дивизии, расположившемся за Гран-Мюром. Они были размещены в узком протяженном формировании по обеим сторонам от дорожных путей.

Конкретно отряд Клеймор располагался у рубежа Овен — другими словами, полоса у стены. В данный момент они отвечали за ее защиту, пока другие отряды завершали поставки.

Однако не похоже, чтобы Легион пока атаковал, поэтому им оставалось только наблюдать за беженцами Республики, которые погружались на поезд, словно самый настоящий скот. А с этим у них проблем не было.

— В смысле, я вовсе не простил их за то, что они с нами сделали… Наверное, никогда не прощу.

«Что они сотворили с нами. Поубивали семьи, украли родные земли, вынудили сражаться товарищей до изнеможения и смерти».

Лишили свободы и прав, ранили сердца так сильно, что они теперь не могли без парализующего страха взглянуть на будущее. Правда такова, что Рито и его товарищи, да и все «восемьдесят шесть» не должны проходить через страдания и муки, лишь бы вернуть себе желания и завтрашний день. Именно народ Республики поставил их в такое положение.

Поэтому Рито никогда и ни за что не простит. Могут реветь, могут молить, но ничто из этого не избавит их от греха. Даже если они поменяют образ мышления, он, скорее всего, ни в жизнь не примет даже возможность того, что Республика позволит себе хоть толику счастья. Рито и сейчас считал, что они заслужили презрения до конца своих дней, заслужили жалеть, страдать и вести ничтожную жизнь.

Но он не хотел своими руками взваливать эту судьбу на них. Все-таки…

— Они уже понесли наказание от самих себя. Еще в то крупномасштабное наступление.

…атака Легиона унесла их семьи и дома. Они оказались раздавлены, безжалостно и зверски, нахлынувшей металлической волной. И закончилось это тем, что Республике пришел бессмысленный конец.

После падения Гран-Мюра выжившие Республики прождали два месяца, прежде чем армия Союза пришла на помощь. Они провели дни в стенах, сокрушенные отчаянием и безысходностью.

Однако жители Республики сами стали причиной этих двух месяцев отчаяния. Таков был результат десятилетнего уютного сна, в котором они отворачивались от реальности войны и теряли способность защищать себя.

Рито и «восемьдесят шесть» не пришлось навлекать на них еще больше безнадеги.

— Нам нет нужды мстить им. Они заплатили за собственные неумелость, тупость, безответственность и безделье на протяжении стольких лет в крупномасштабном наступлении. Но даже после никто из них не сокрушался насчет сделанного. Так что… теперь им придется платить и за это.

Поезд, полный беженцев, пронесся мимо и исчез где-то на горизонте. Это были самые обычные поезда с грузовыми вагонами, предназначенные для скота. О комфорте для находящихся внутри можно даже не заикаться. Беженцы забились внутрь словно багаж, игнорируя возможность получения увечий.

Воспоминания о более юном себе, вынужденном испытать тот же опыт, отозвались в сердце Рито треском, похожим на шум.

Казалось, он должен был считать, что они это заслужили, но он так не считал. И в то же время болезненный образ более юного себя никак не накладывался на них. Потому что…

— Они не будут сокрушаться и после сегодняшнего дня. Вместо этого продолжат обвинять кого-то еще за то, что якобы не помогли им, как поступали всегда. Они продолжат попадать в неприятности, и это всегда будет по их вине. Мне необязательно мстить им.

Раз даже не пытаются выказать сожаление или раскаяние, пусть сами изводят себя. И избежать этой участи они никогда не смогут.

— Нам также необязательно помнить. Теперь мы можем отпустить их.

Также, как Тору наблюдал за перепалкой на вокзале, Крена смотрела неподалеку из своего Стрелка. Даже осмелилась сойти со своего Регинлейва, чтобы своими глазами запечатлеть ссору жителей Республики. Не из любопытства, а скорее, чтобы примириться с эмоциями.

Она смотрела, слушала и мягко вздохнула.

Серьезно?..

И вот этого она боялась столько лет? Сейчас они выглядели слабыми и ничтожными. Как напуганные псины, жалко скулящие.

Она всегда думала, что была заперта из-за них. Но кто действительно оказался взаперти, так это сами белые свиньи.

Они ведь даже не столкнулись лицом к лицу с тем, чего так боялись: грозным Легионом. Решили просто отвернуться — и от машин, и от страха. А результатом стал Гран-Мюр. Лагеря для интернированных. Восемьдесят шестой сектор и «восемьдесят шесть».

Они стольких людей положили, чтобы выстроить чертовы стены, и все ради того, чтобы просто лгать самим себе. По итогу Республика ни разу не встретилась лицом к лицу с ужасающим

Легионом. И даже сейчас. И даже потом не встретятся.

Они продолжали отворачиваться от угрозы, а теперь понятия не имели, как с ней разбираться. И потому стали заключенными этого кризиса. И сейчас никто из них не мог сделать ни единого самостоятельного шага.

И ведь до них толком не дошло, что сами довели себя до такого положения.

Поражение армии Республики в начале войны. Падение Гран-Мюра. И чья это была вина? «Восемьдесят шесть». Военные, потому что не защитили. Граждане, потому что спокойно стояли в стороне и ничего не делали.

И так каждый раз — несмотря ни на что, виноват кто-то другой, виноваты все остальные, но не они.

Жить такой жизнью, может, и проще всего… но в таком случае у них никогда не получится найти решение к любой проблеме.

— Ага, — прошептала наблюдающая за ними Крена. — Я в порядке. Теперь я… в полном порядке.

«Я больше не боюсь. Может быть, я все еще ненавижу белых свиней Республики, и никогда не прощу их за сделанное со мной, но больше никакого страха. Чего я боялась в самом деле, так это моих шрамов — юную себя, кто не смогла защитить своих родителей, сестру и товарищей. Собственную неспособность освободить себя и друзей от неприятностей.

Но не этих белых свиней, что не в состоянии защитить себя, но продолжающие сокрушаться о несправедливости по отношению к ним».

Они не обладали силой, которую ей следовало бы опасаться. И теперь, когда появилось это понимание, она, может, и не простит их за содеянное, но голову забивать ими перестанет.

— Я всегда сражалась вместе с Шином и остальными, чтобы выжить. Я сильна, и знаю это… А что из себя представляете вы, а, люди?

Ничтожные, немощные белые свиньи.

— Больше я вас не боюсь.

□

Стены, окружающие восемьдесят шестой сектор, были сокрушены в крупномасштабном наступлении, остались только несколько зданий да смотровые площадки. На одной такой находилась Снежная ведьма: Анжу, облокотившись на броню, смотрела на стену.

Из Союза и обратно шли поезда. Вдоль железнодорожных путей по обе от нее стороны шли ряды транспорта цвета черного металла — грузовики и защищающие их Ванарганды. Под солнцем в зените они отважно сопровождали грузовики, нагруженные ценным оснащением и припасами, на пути в Союз.

На некотором расстоянии, с территорий восьмидесятых секторов, слышались прерывистые взрывы. Их источником служили пластические взрывчатки, установленные военными инженерами. Если развалины Гран-Мюра оставить нетронутыми, Морфо мог занять укрытие в восьмидесяти пяти секторах. Поэтому Союз решил снести ближайшие стены.

Ее ясные голубые глаза скользнули по осеннему небу, по городу. Она видела ряды заводов и электростанций, выстроившиеся как металлические, искусственные горы. Когда Анжу, будучи маленькой девочкой, видела место в последний раз, их тут не было. За ними же стояли серые жилые дома одного вида, построенные вплотную друг к другу.

Площадь перед вокзалом, кажется, используется как стоянка для грузовиков, хотя раньше, до того, как Илекс сделался таким, здесь был промышленный блок. Место, вероятно, выглядело более роскошным до войны с Легионом, но спустя десять лет оно стало забытым: осталась лишь площадь из белого камня и треснутых плит.

— …

Хотела ли она вернуться сюда? Ну, не очень-то. Это не ощущалось как возвращение домой, точно также она не чувствовала ностальгию. Просто страна, где она родилась. Место казалось безжизненным по сравнению с восемьдесят шестым сектором с его пышной зеленью, а к этому моменту Анжу успела свыкнуться с Санкт-Йеддером Союза и близлежащими городами.

Так что если куда ей теперь и возвращаться, то…

Анжу с улыбкой зашептала.

«Покойся с миром, земля, на которой я родилась».

— Прощай… Место, где я живу, где хочу быть… Место, которое я называю домом, не здесь.

□

Школа старухи, где в детстве укрывался Райден, находилась в девятом секторе — чуть к северо-западу от центра административного округа и довольно далеко от восемьдесят третьего

сектора, располагавшегося на юго-восточной границе.

С мыслью о том, что, возможно, бывает здесь в последний раз, Райден подумывал немного пофотографировать для старухи, Лены и остальных Альба. Но когда высадился из агрегата на обочине восемьдесят третьего сектора, понял, что зайти так далеко не представляется возможным.

«Может, сниму тогда окрестности, это же лучше, чем ничего?», — подумал он, направив цифровой фотоаппарат на опустевшие улицы.

Городской пейзаж выходил весьма искаженным, и его сердце отзывалось болью при виде его. На улицах все еще оставались следы битв, вероятно, с крупномасштабного наступления. Разрушенные здания вдоль дороги были в ужасном состоянии, на их месте в полном беспорядке выстроили убогие сборные дома.

Они предназначены для размещения граждан Республики, которые от обладания обширными территориями перешли к жизни в ограниченном пространстве внутри стен.

Школа старухи располагалась в девятом секторе, относительно состоятельном жилом районе с бóльшим простором, чем здесь. И судя по словам Лены и Аннет, в первом секторе отдали приоритет поддержанию вида, а не беженцам. Жители запрещали строить высотные здания, причем запрет действовал даже во время войны. И это несмотря на бесчисленное множество беженцев, жалующихся на скверные условия жизни.

Война исказила Республику, и ее жители не остановились на одних только «восемьдесят шесть».

Будучи не в состоянии вызвать у себя мотивацию для фото этого небольшого меланхоличного общественного парка, Райден опустил камеру и обнаружил неподалеку одного из членов отряда.

— Клод?

Капитан 4-го взвода, Клод Кнот. Пыльный ветер играл с его красными волосами, глаза лунного цвета за очками смотрели, как солнечные лучи попадали на то, что некогда было солнечными часами.

Услышав оклик, Клод перевел взгляд и моргнул.

— Райден… О. Фотографируешь для пожилой учительницы?

— И для Лены с Аннет… и священника. Быть может, мы последний раз видим это место. А ты что делаешь?

— Понятно… А я подумал, что стоит в последний раз посмотреть, что тут и как.

Не эти слова Райден ожидал услышать от «восемьдесят шесть», дискриминируемого Республикой. Он удивленно посмотрел на Клода, когда тот отвел взгляд:

□

— Мой старший брат был Куратором.

□

— В смысле? — ошеломленно спросил Райден.

— Старший брат родился от первого брака отца и, в отличие от меня, был из Альб. И Куратором. В отряде, куда зачислили меня и Тору до крупномасштабного наступления.

Они вдвоем служили в одном отряде еще до той массированной атаки. Может, потому-то их позывные, Бармаглот и Брандашмыг, основывались на монстрах из сказок одного автора.

Райден вместе с тем умолк. Младший брат из числа «восемьдесят шесть», кем командовал, но не поддерживал Куратор — старший брат, кого нельзя было просить. Отношения, вероятно, ужасные для обеих сторон.

— Он сознательно стал твоим Куратором?

— Старший брат, он… Тогда я не знал, что это он. Представился вообще другим именем. А я в то время еще и насмехался над ним. Подумать только, какой-то спятивший Куратор вдруг ни с того, ни с сего спрашивает настоящие имена процессоров…

Он насмехался, не зная, что тот ищет ставшего «восемьдесят шесть» младшего брата. Ищет Клода.

— …Твои брат и отец, они?.. — спросил Райден.

Клод ответил со вздохом. С вышедшим из легких воздухом тело словно лишилось и сил.

— Не знаю…

— …

— Он был подключен к рейд-устройству во время крупномасштабного наступления, но когда попытался найти его, то не получилось…

И таким образом он не встретился ни с братом, ни с отцом, оставшимися в восьмидесяти пяти секторах. Не встретился по-настоящему с той Республикой, частью которой они некогда были.

Он не воспринимал эту страну как свой дом, но все равно хотел в последний раз посмотреть на земли, где родился.

— Другого шанса может не представиться, поэтому подумал, что должен сюда прийти.

†

Местом назначения поездов с беженцами Республики был вокзал в городе Берледефадель, расположенный на юго-западе Союза. Станция вела в Санкт-Йеддер, здесь сходились пути с маршрута Орлиный лед по вокзал города Крейцбек с севера и с маршрута Орлиный цветок по вокзал города Кирхас. Поскольку сюда приезжали посетители из разных стран, город был красивым и вычурным для бывшей Империи.

Вот еще один поезд с беженцами прибыл на презентабельную станцию. В нем находились солдаты младшего ранга, и это был первый поезд с офицерами со званием капитана. В ряды сходящих солдат в форме цвета берлинской лазури затесался двенадцатилетний парнишка.

Такую идею реализовали из гуманитарных соображений и, практически говоря, затем, чтобы немного уменьшить вину у солдат и офицеров за то, что сбежали первыми. Раз в несколько рейсов в один вагон будут помещать сирот войны. Офицеры, разумеется, отдавали предпочтение своим детям и семьям, поэтому вагонов выделили настолько мало.

И в одном из таких приехал ребенок из приюта для мальчиков. По всей вероятности, солдат, коллега его отца, спустил приказ сверху: его забрали, и вот таким образом он очутился здесь. И на этот поезд тоже получилось сесть благодаря ему.

Сам солдат поедет на другом, поэтому прямо сейчас его рядом не было. Мальчик поспешил сойти с поезда вместе с группой жителей Республики, которые злились на солдат Союза в форме, говорящих поторапливаться.

Вскоре все сошли, и после продолжительного осмотра вагонов поезд направился к стрелочному переводу. Затем он с одним только машинистом вновь поехал в Республику.

Выйдя из здания вокзала, спроектированного как собор с несколькими витражами, мальчик был встречен рядами транспортных грузовиков перед терминалом. Хотя их явно недоставало: на дорожном покрытии сидели беженцы с предыдущего поезда. Красивая площадь впереди простиралась до главной улицы. Тротуар пустовал из-за проходящей эвакуации, а

придорожные деревья оказались необрезанными.

Вернее, так ему показалось, но потом мальчик понял, что все деревья в пределах видимости на самом деле были искусственными. Он волнительно сглотнул. Дерево в центре площади представляло собой монумент — огромный толстый ствол цвета металлического серебра; листья из осколков стекла. Лучи осеннего полуденного солнца проходили через листья, каждое такое отбрасывало свой цвет, от чего создавалось мистическое, как от калейдоскопа, световое шоу.

Похожие деревья проходили вдоль главной улицы, заменяя придорожные. На брусчатке лежали «опавшие листья», что никогда не выцветут. Вот мальчик заметил деревья, через которые не проникал свет. Изысканное матовое стекло, выполненное в форме фрукта, тускло блестело от слабых солнечных лучей.

Город приветствовал иностранных гостей, спроектированный бывшей Империей только ради того, чтобы похвастаться достоинством. Ошеломленный манящим величием, мальчик пошел по площади, суетливо оглядываясь.

— А, вот и ты. Отойди ненадолго вот сюда.

Кто-то потянул его за руку и мягко вывел из толпы беженцев. Он поднял взгляд и увидел юного солдата Союза в форме цвета стальной синевы. У него были золотистые, светло-каштановые волосы и глаза нефритового цвета, а выглядел он немногим старше его самого.

Мальчик моргнул. По какой бы то ни было причине у юноши отсутствовала левая рука. Левый рукав был свернут.

— Ну что. Два месяца прошло, да?

— Старший братец…

Это был «восемьдесят шесть», который рассказал ему о погибшем в восемьдесят шестом секторе отце. Тот самый, кто сказал верить в отца, потому что тот поступил правильно. Кто произнес те слова, какие произнесла бы только его мама.

Тот, кто наконец-то поверил в папу.

Мальчик озадаченно смотрел на него, а потом понял: неужели это он?..

Сео кивнул.

— Мне казалось, что так будет не совсем честно, но после пришел к выводу: чуть-чуть непорядочности ведь не навредит? Мой в прошлом старший офицер получил немало проблем на свою голову, вот я и попросил взамен взять тебя.

— Так это ты посадил меня на поезд?..

— Ага, — улыбнулся Сео после еще одного кивка.

Мальчик являлся напоминанием о капитане, с кем он некогда сражался, и чью персональную метку смеющегося лиса он взял.

— Добро пожаловать в Союз… Теперь у тебя все будет хорошо.

†

Пока персонал штаба 1-й бронетанковой дивизии занимался установкой лагеря, Лена находилась в палатке, выполняющую роль временного командного поста, и вновь размышляла над планом отступления.

Она попросила Шина подтвердить в пути местоположение всех машин, затем нанесла метки на карту и начала сравнивать данные, чтобы увидеть, есть ли какие проблемы в плане.

Ее командирская роль заключалась в обеспечении упорядоченного, своевременного и последовательного отступления Регинлейвов, широко раскинувшихся вдоль четырехсоткилометрового маршрута.

Каждым из четырех бронетанковых дивизий, из десятков батальонов и из сотен отрядов требовалось знать конкретный путь, по которому будут проходить, и в обозначенных зонах боевых действий находиться в полной готовности, держа в уме порядок прохождения через процедуры обслуживания, пополнения запасов и отдыха.

Каждый батальон и отряд ознакомились с планом операции на основной базе еще до миссии, но расположение противника и прогресс эвакуации менялись постоянно, и любое изменение должно быть отражено в плане.

Поскольку в операции принимали участие все четыре бронетанковые дивизии, Лена, тактический командир 1-й бронетанковой, также должна доносить информацию до тактических командиров остальных дивизий.

Хотя это дается ей относительно просто, поскольку способность Шина дала общее представление о положении врага. Выдвинувшийся в наступление Легион все еще был захвачен борьбой на фронтах других стран, и на территориях врага оставалось не так уж много машин.

Республика по непонятной причине — и Лена не назвала бы это удачей — обошлась лишь легкими стычками. Несмотря на малочисленное войско и наименьший среди выживших стран боевой опыт, ущерб во втором крупномасштабном наступлении был нанесен самый минимальный.

Вик и Грета тоже упоминали об этом, но это действительно странно и подозрительно. Если Легион заманивал в ловушку, то непонятно, почему до сих пор машины не набросились на них. Тут должен быть некий план.

Нам нужно быть осторожными…

Вход в палатку откинулся в сторону. Это вернулся Марсель, и судя по выражению лица, чем-то он был недоволен.

— Лена, просто даю знать… Мы получили запрос от эвакуирующихся офицеров протащить багаж в грузовике Союза. Можешь проверить, есть среди них те, ради кого следует пустить в ход связи?

Затем он на секунду вышел, а зашел уже с несколькими картонными коробками. Очередная гора проблем. Никого в Республике не информировали о присутствии Лены, поэтому, вероятно, адресовано это все было Ричарду и штабным офицерам.

— Прочитай список отправителей… — сказала Лена, возвращаясь глазами к карте.

Марсель равнодушно и монотонным голосом начал зачитывать имена. Как только он закончил, Лена ухмыльнулась:

— Младший лейтенант, с прискорбием вынуждена сообщить, что отступление проводилось в спешке, и письма потерялись.

— Так и думал, — ощерился Марсель, поняв намек. — Принято, мэм.

Файд, этот тактичный и мудрый падальщик, притащил бочку, куда можно выбросить письма. Саму бочку оставили снаружи, чтобы можно было в ней разжечь костер. Проводив Марселя, Лена вздохнула. Боже.

— Ни Союзу, ни Объединенному королевству не обязаны проходить через столько неприятностей…

«Так чего Республике надо быть именно такой? Я с ног валюсь. Хочу домой».

Но как только усталая мысль пришла в голову, она моргнула. Домой?.. А ведь мысль вышла

вполне естественная, ее сердце не встретило никакого сопротивления.

«…О. Понятно».

Улыбка взыграла на ее губах.

— …Точно. Мне нужно вернуться.

У нее уже был дом, куда она могла возвратиться. Не в Республике, где родилась и выросла, а…

Вход в палатку снова откинулся в сторону. В этот раз заглянула Шиден.

— Ваше Величество. Поезд только что отправился. Свободным падальщикам мы дали задачу построить стену, а ты убедись, что успеешь пройти до прибытия следующего поезда. Скоро ужин.

Руки Лены остановились. Операция продлится три дня, поэтому командиры и солдаты должны чередовать перерывы с поставками. Перерыв Лены назначен на вечер…

— Что, уже?

Следом в палатку вошел штабной офицер. Он возьмет на себя работу Лены, пока сама она будет отдыхать.

— Да, уже, полковник Миризе… Мой черед. Передайте, пожалуйста, командование.

□

Осеннее солнце садилось раньше обычного, и под его золотистыми лучами переорганизованный отряд Шиден Брисингамен вместе с частью отряда Остриё копья, исполнявшие функции штабного персонала Лены, приступили к раннему ужину.

Расписание было составлено с учетом Шина, который в ночное время будет разведкой, чтобы предотвратить внезапные налеты. Признаков готовящейся атаки Легиона все еще не наблюдалось, что предоставило им свободу для розжига костра. И потому Шиден и ее новый отряд не стали полагаться на нагревательный элемент в боевом пайке, а расселись вокруг простой буржуйки.

1-я бронетанковая дивизия отвечала за оборону девяностокилометрового участка от Гран-Мюра до рубежа Рак в трехстах километрах от Союза. Они оставили защиту вокзала города Илекс в точке Сакра экспедиционным войскам, сами ушли в главный лагерь за стеной.

Лена могла добраться до туда, прячась в тени позади падальщиков. Ощущая лучи заходящего солнца и осенний ветерок, Шиден продолжала смотреть на поезда и грузовики вдалеке.

Эвакуация обер-офицеров завершилась, очередь перешла к унтер-офицерам и их семьям. Солдаты в форме берлинской лазури взобрались на поезд и выкрикивали жалобы, вероятно, думая, будто никто не увидит их лица.

Кто-то из «восемьдесят шесть» показал им непристойные жесты руками, хотя вряд ли они остались замеченными. Тору, принесший плюшевую свинку, приговорил игрушку к повешению на стволе пушки Регинлейва.

Недавно к двадцати двум видам боевых пайков Республики добавились новые варианты, и вот группе Шиден на ужин достались незнакомые блюда. К счастью — ну или не совсем, — Крене как раз попалось один из новых пайков.

— Что такое тофу и суп мисо?

— …А супом-то это точно можно назвать? Скорее, сок мисо.

В боевых пайках большинство основных блюд, которые назывались супами, оказывались ближе к сокам.

— Суп или сок, мне без разницы. Что это?

Файд все мотался туда-сюда, подбирая разный мусор, вроде ламинированной упаковки от пайков, когда вернулись Шин и Дастин в другом комплекте одежды. Перед ужином их облили водой. Они присоединились к кругу: Дастин сел рядом с Анжу, которая выдала ему паек, а Шину ужин подал Райден.

Чуть ошарашенная, Шиден смотрела за этим представлением.

«Ты кто, женушка его? А ты, Лена, не дуйся, раз опоздала. Садись рядом с ним».

Шину достались фрикадельки с подливкой. Он хотел было добавить острый соус, ошибочно посчитав его за томатный, но Райден вовремя одернул.

«Серьезно, ты в самом деле его женушка?»

Когда Лена наконец-то уселась рядом, Шиден взглянула на нее, разрумянившуюся, и отмахнулась.

— …Все путем, пока держит свои мысли подальше от Республики.

Кроме того, Шиден довелось облить водой Шина, так что настроение у нее было самым отличным.

□

3-й бронетанковый батальон Митихи развернули у рубежа Телец, и отсюда заметна только самая верхняя часть Гран-Мюра. Митихи и отряд Ликаон в данный момент пополняли запасы, поэтому смогут вовремя поменяться с патрулирующим подразделением.

Рассевшись вокруг буржуйки, они принялись уплетать разные пайки и легкий перекус, среди которого самым популярным был фруктовый пирог. Митихи как раз прожевала кусок и спросила:

— Кстати, а все Отбеливатели того, уехали?

†

Глубокая ночь.

До подъема еще оставалось время, но Лена вылезла из простого постельного места и вышла из палатки. В штабном лагере открывался вид на величественные стены, некогда отделявшие внутреннюю часть Республики от поля боя. Через щели в стене можно также одним глазком глянуть на процесс эвакуации на вокзале города Илекс.

Эвакуация солдат завершилась ранней ночью, теперь наконец-то пришла очередь жителей. Даже в это самое время, прямо перед новым днем, место изобиловало людьми в разнообразной одежде, образуя неупорядоченные массы.

К счастью, насколько Лена могла видеть, серьезных проблем не возникло. Эвакуация проходила вполне нормально — то есть согласно плану.

— Эвакуация идет лучше, чем ожидалось, — вслух произнесла Лена.

— Правда? Хорошо, если так, — сказала через парарейд Аннет, оставшаяся на базе ударной группы. — Потому что на нашей стороне они сразу начали создавать проблемы. Как офицеры, прибывшие ранее, — эти теперь уже балду пинают, — так и мирные жители, только приехавшие. Говорят, что сектор беженцев находится слишком близко к полю боя, от чего им боязно там оставаться.

Лена в любопытстве наклонила голову. Аннет пребывала на базе, которая была довольно

далеко от сектора беженцев. И военные не станут сливать информацию тем, кто не имеет к этому никакого отношения.

— Откуда узнала?

— Сео сказал. Его отослали из-за нехватки людей на должности операционист в секторе беженцев. Плюс, ты же помнишь, как он хотел посадить на ранний поезд ребенка своего товарища. Командир сказал забрать его, а после помочь.

— Ох… Но как это, близко к полю боя? Их сектор организован в десятках километрах от боев.

Союз, разумеется, в первую очередь заботился о защите своих граждан, поэтому прежде, чем принять беженцев, они подготовили сектор вдоль границ боевых территорий. Но при этом жители Республики были дальше и в более безопасном месте, чем район проживания Вульфсринов, которых считали реальным резервом.

С гуманитарной точки зрения это не была дискриминация по отношению к Варгам и Вульфсринам. Просто беженцы Республики, в отличие от них, представлены людьми без какой-либо боевой подготовки, и на поле боя они будут только мешать.

— Как бы да, но все равно. Союз на западном фронте бьется днем и ночью, и издалека же наверняка видны вспышки света? Так вот они говорят, что это пугает их. Хотя до крупномасштабного наступления, возможно, бояться бы не стали.

Страх сражений и самого Легиона. Возможность умереть от металлических призраков или выступить против них в войне. Для Республики это были слишком правдоподобные исходы. По крайней мере до крупномасштабного наступления.

— А у тебя там как с этим? Ночь на дворе, войска у вас поменьше, но жителей, должно быть, пугают Регинлейвы. Еще и солдаты сбежали. Наверное, паникуют уже.

— Да, ну… — Лена умолкла, когда взглянула на вокзал Илекс, видимый за несколько километров из-за проломов в Гран-Мюре.

Ночной воздух был свежим и холодным, звезды в осеннем небе светили так ярко, что казалось, будто упадут в любую секунду. На расстоянии слышался беспокойный ропот, но не крики или ругань.

— Кажется, это не совсем так. Они очень взволнованы, временами возникают споры, но, в общем и целом, эвакуируются исправно. Мы считали, что они станут противиться вывозу… Будут говорить что-то вроде: «Если хотите нас эвакуировать, просите». Ты же знаешь, жители постоянно настаивают на своих правах, тому пример крупномасштабное наступление…

Для ночной эвакуации подготовили несколько световых стоек, они ярко освещали площадь перед вокзалом. На дистанции можно было разглядеть силуэты патрулирующих Ванаргандов. Плюс, сражений с Легионом в этом районе не проводилось с самого начала операции.

Эвакуация шла от ужасов войны, тем не менее ничто не предвещало боя. Стояла спокойная звездная ночь.

— Мне тоже казалось, что заговорят об этом, но… если так подумать, те, кто действительно мог бы сказать такое, скорее всего, погибли во время крупномасштабного наступления.

Республика упразднила королевскую власть в вооруженной революции, и на армию наложили ограничения гораздо сильнее, чем большинство остальных стран позволили себе. Одно из таких — приостановление полномочий для объявления военного положения. Армии при любых обстоятельствах не позволялось пересматривать конституцию, то есть нарушить свободу граждан не представлялось возможным ни под каким предлогом. Опираясь на этот закон, часть людей отказались эвакуироваться в первое крупномасштабное наступление.

Все они погибли.

Ко всему прочему, ни у самой армии, ни у Лены не хватало времени просить народ эвакуироваться, у «восемьдесят шесть» желания вывести людей тем более не было. Поэтому пришлось оставить жителей на поле боя.

— Да, скорее всего, дело в этом. Все испугались: оцепенели или оказались в таком замешательстве, что могли только ходить кругами. Эти погибли, а в живых остались только более смышленые, которым скажешь бежать, они и побегут. Теперь же кто-то говорит им, что поможет увезти в безопасное место, вот и позакрывали рты.

Естественно, часть сбежавших все равно погибли. Просто такое оно, это крупномасштабное наступление. Беспорядочность в смертях, равенство в выборе жертв. Образ мышления или поступки при жизни ничего не значили.

Легиону совершенно безразличны мысли, деяния и сотрясания воздуха тех, кого они топчут.

— Но все-таки странно. Не ожидала, что группа, несущая свой бред… Как ты там их называла? Отбеливатели? Удивительно, как они ничего не выкинули.

— Согласна. Полковник Вензель, Шин и я тоже переживали, не попытаются ли они что-нибудь сделать.

Но в итоге не сделали. Можно даже сказать, этим самым почти разочаровали. Ударную группу не встретили баннеры с фанатичной чепухой. По словам Греты, вина за катастрофу — второе крупномасштабное наступление — и последующую эвакуацию полностью возложили на

Отбеливателей, от чего они потеряли свой авторитет в Республике.

Разве что госпожа Примула, главная фигура во фракции, была замечена среди эвакуирующихся на первом поезде правительственных чиновников. И Лена, находясь в кабине Грималкина Саки, видела, как женщина бросала обиженные и ненавистные взгляды на шагающих мимо Регинлейвов.

Она видела, как губы женщины произносили: «Да как вы только смеете…».

— Не спускайте глаз с контролирующих сектор беженцев… — сказала Лена.

— Будет сделано. Сео тоже предупрежу, и, конечно, напомню об этом Союзу через свои каналы связи. Начну с главы отдела исследований.

— Рассчитываю на тебя.

— Ага. Береги себя, ладно?

Парарейд отключился, и Лена глубоко вздохнула.

— Как я понимаю, проснуться ты должна была только пятнадцать минут назад.

Услышав едва уловимое похрустывание травы, она обернулась и обнаружила Шина. Он смотрел на тактического командира — на ту, кто встала пораньше и, незащищенная, гуляла по лагерю — обеспокоенным и укоризненным взглядом.

— Ну, так получилось. И я встала только тридцать минут назад, Шин. К слову, чем занимался?

— Я лег спать раньше остальных.

На протяжении всей трехдневной операции Шин, по сути, не должен участвовать в боях. Вместо этого ему досталась обязанность разведки и наблюдения за передвижениями Легиона.

Чтобы защитить маршрут отступления для экспедиционных сил, боевым подразделениям ударной группы требуется держаться на определенном расстоянии. А для сохранения мобильности Регинлейвов они не могли позволить себе просто ждать атаки Легиона.

Им нужно следить за любыми признаками переброски машин, усеивающих территории, и сокрушить тех, кто пошел вперед. Основная стратегия ударной группы в операции заключалась в как можно скором уничтожении врага, чтобы не дать Легиону шансов объединиться и скооперироваться.

Как итог, Шину придется отслеживать противника на огромной области. Понимая, что ему предстоит провести три дня в окружении Легиона, постоянно подвергаясь воздействию криков призраков, Райден с остальными принуждают его ложиться спать при любой возможности.

— Про время забудь, не ходи по полю боя в одиночку. Нет признаков того, что Легион собирается двинуться на нас, но… — умолк он, когда красные глаза остановились на чем-то позади Лены. — …Ты пришла посмотреть на Гран-Мюр?

— Да. Подумала, другого шанса может и не предвидится.

Шин на мгновение задумался, а потом сказал:

— Я понимаю, у нас разгар операции, но… если тебе станет слишком тяжело…

Лена слегка вымученно улыбнулась.

— Спасибо… Знаешь, наверно, я приму твое предложение. Так сказать, немного побалую себя.

К ним подошел Файд и повернулся боком, который должен был послужить скамейкой. Видимо, так он проявлял заботу. Лена села и похлопала по месту рядом, призывая сесть Шина. Почувствовав тепло от тела, она прижалась к нему и положила голову на плечо.

Шин ничего не говорил, он просто был рядом. Лена тоже не произнесла ни слова. Его тело ощущалось слегка горячим, ей казалось, будто она медленно растворяется в нем. Словно границы между ними размываются.

— Мне хотелось бы вернуться в эту страну, — внезапно сказала она.

Шин не стал отвечать, и она продолжила. Как если бы тепло от сидящего рядом парня временно унесло ее чувства и боль. Она говорила, словно слова помогли бы ей продержаться до конца операции, чтобы после отправиться в Союз.

— Я не могу с этим смириться. Мне грустно. Я хотела бы вернуться сюда. Прибыв в Союз, я не думала, что эта страна в самом деле просто исчезнет. Мама погибла, нашего дома больше нет, но… Мне казалось, что однажды, когда война закончится, я вернусь сюда.

— Понимаю… — согласился Шин. Его алые глаза оставались прикованы к небу вдалеке. — Может показаться, будто я говорю это, только чтобы утешить тебя, однако… давай как-нибудь снова посетим это место. Все вместе.

Она подняла взгляд и заметила, как Шин смотрел на далекий горизонт. Он будто глядел на далекое ночное небо первого сектора, которым она хотела полюбоваться вместе с ним.

— Тем более мы еще не выполнили наше обещание посмотреть на фейерверки во дворце Лун.

Быть может, они не знают, когда именно в будущем это произойдет. Но пусть так…

— Давай сходим к южному морю. Понаблюдаем за свечением ночесветок в водах Стран флота. Полюбуемся алмазной пылью и авророй в Объединенном королевстве.

Зимним великолепием богини в белом.

Или озерами и красотами Альянса.

Или городами в странах дальнего запада, у которых еще может быть мирное время.

Или ранее невиданными южными странами, лежащими за гнездом дракона.

Целый мир ждал их за пределами поля брани.

Только они вдвоем. Или вместе с остальными.

Лена наконец-то улыбнулась.

— …Да. Мы ведь дали обещание.

А именно два года назад, когда никто из них не видел лиц друг друга.

— Не переживай. Я еще не отказалась от него. Да, сходим как-нибудь. Обязательно.

— Тогда, возможно, тебе следует сказать вслух, что вернешься. Кайе как-то рассказывала, что, если облечь желание в слова, оно точно сбудется.

— Хорошо. Раз так…

Лена слезла с Файда и встала напротив Гран-Мюра. И после поклялась, развернувшись в этот раз спиной к стене.

— …Однажды я обязательно вернусь. Вернусь сюда, где впервые встретилась с тобой, Шин.

Последовала неловкая пауза. Потом Шин посмотрел на нее, как бы говоря: «А, точно».

— Ты забыл?! — воскликнула Лена. — Я думала, ты пришел сюда, потому что вспомнил!

— Нет, ничего я не забыл. Не сообразил сначала, цветы тогда были немного другие…

— Придурок!

Когда Шин увидел испортившееся настроение у Лены, он едва не запаниковал. От чего Лена засмеялась, а он понял, что его дразнят.

— …Не слишком ли подло?

— Не-а!

Файд издал протестующий «Пи» в попытке поддержать Шина.

†

Исходя из отчета 1-й бронетанковой дивизии, эвакуация граждан Республики шла гладко. 2-я бронетанковая дивизия Сири размещалась в районе бывшего восемьдесят шестого сектора, откуда не было видно ни Гран-Мюр, ни передовую Союза, поэтому им оставалось только догадываться о ситуации.

Но они, разумеется, знали, как развивались события. Все-таки занимались обороной железнодорожных путей и за это время видели десятки поездов, шедших как в Республику, так и в Союз на обратном пути.

С начала эвакуации минуло восемнадцать часов. Осталось пятьдесят четыре часа, одна четвертая операции позади. И раз эвакуация шла гладко, примерно двадцать пять процентов населения уже успели вывести.

Но суть не в этом.

— Укрыться нам было негде, поэтому пришлось аж до сюда дойти… Но как же паршиво на душе в этом месте, — сказал про себя Сири, сидя в кабине Бальдандерс.

Он и члены отряда Лезвие бритвы затаились в развалинах концлагеря для «восемьдесят шесть». Как и южный лагерь, где находился Сири, этот представлял собой ряд простеньких сажевых строений, обнесенных излишне прочным проволочным ограждением. Его уже давно никто не заселял, но на земле до сих пор не прорастали ни сорняки, ни цветы. Поблизости также не бродили кролики или олени, потому что боялись быть съеденными.

Этот пустынный, дикий пейзаж был чрезмерно привычен. И такой пейзаж он хотел бы забыть.

Единственное, чего лагерь лишился, — это окружающее его противопехотное минное поле. Лишь мины выкопали во время прошлогоднего крупномасштабного наступления, и теперь они не мешали проходу Сири и остальным. Ощущалось это как чудовищная ирония.

2-я бронетанковая дивизия Сири отвечала за участок между рубежом Рак, расположенный в трехстах километрах от Союза, и рубежом Весы, точка в двухстах десяти километрах. Это была самая внешняя патрульная линия железнодорожных путей и маршрута отступления.

Способность Шина позволяла довольно точно определять перемещение Легиона, но в зависимости от условий, машины могли перехитрить его. Регинлейвам придется рассредоточиться и вести патруль. И вдобавок им нельзя было всю трехдневную операцию полагаться на силы Шина. Для него это будет слишком обременительно.

4-я бронетанковая дивизия отвечала за защиту участка между рубежами Хирон, ближайший к Союзу, и Рыбы. По итогу Сири оставался синхронизирован с Суюи, которая выстраивала оборонительную линию рядом. Она ответила ему по парарейду дразнящим тоном:

— Боишься, что призраки выскочат? Впрочем, от лагерей и правда исходит ощущение места, по которому будут бродить призраки.

Сири усмехнулся в ответ на ее слова.

— Вот про призраков не надо. А не то Ноузен посмеется над тобой. Напомни, ты же укрываешься в районе разрушенных сельхозугодий бывшей Империи? У тебя там могут появиться призраки хряков или коров.

— Тут только ты над людьми потешаешься, Сири. Кроме того, что на прошлом моем Джаггернауте, что на нынешнем — уж с животными моя Банши разберется.

Ландшафт Республики по большей части представлен равнинами, и получалось, что вне городов и лесов в основном раскинулись обширные поля и сельхозугодья. Регинлейв, несмотря на небольшие размеры, все равно был фердресом, который испытывал проблемы с тем, чтобы укрыться в открытом поле.

Предпочитая не оставаться на голом пространстве, где Легион мог легко тебя засечь, Сири решил укрыться в лагере для интернированных, куда и загнал свой агрегат. Суюи находилась у бывшей границы Империи с Республикой, и из-за схожей топографии она разделяла те же опасения.

К слову, Банши — позывной Суюи и ее Регинлейва.

— Прошлые наши Джаггернауты не могли справиться с Волками, о Львах даже говорить не стоит.

— Честно говоря, это чудо, что мы выжили. Республика реально думала, что на этой хреновине можно было победить Легион?..

Они обменялись кривыми улыбками, а после вернулись к бдительному контролю. Стояла безлунная осенняя ночь, свет от ярких звезд отбрасывал тени на мрачные руины. В герметичной кабине Регинлейва почувствовать это было нельзя, но воздух на дремлющих полях, вероятно, отдавал освежающей прохладой.

В сердце Сири поднялась неизгладимая горечь, пока он, будучи в Регинлейве, по виду напоминающий скелет, скрывался в тени безлюдных руин. Его взгляд был устремлен на звездное ночное небо.

Призраки. В его голове мелькнула смутная мысль, что призраки в самом деле могут возникнуть прямо сейчас. Призраки неисчислимых «восемьдесят шесть», погибших и оказавшихся в ловушке. И они появятся не как друзья, а как призраки, порицающие живых.

Ведь… мы ни разу их не спасли.

В пытавшихся убежать из лагерей для интернированных стреляли, либо они подрывались на минах. Кого-то сами солдаты выводили в поле, забавы ради или чтобы восторжествовала справедливость. Он до сих пор помнил выгнанную девочку: не в силах пошевелиться, она рыдала у трупов брата и сестры.

Он не смог спасти ее. Юный Сири отводил взгляд, потому что боялся привлечь внимание солдат Республики. Только и мог, что смотреть, дрожа, когда следом подорвалась беспомощная девочка.

Он видел, как солдаты похищают ребенка еще младше ее, чтобы затем продать за стены и получить карманные деньги. И когда его, в конце концов, выперли на поле боя, в его отряде одна девушка привлекла-таки внимание солдат. Ходили слухи, что ее продали какому-то богатею из первого сектора.

Он слышал истории об одном полностью заброшенном лагере для интернированных: что все проживающие в нем умерли от голода, поскольку кто-то подхватил ужасную инфекцию. Про другой лагерь поговаривали, что там проводили эксперименты над людьми.

Слухи про эксперименты оказались правдой. Совсем недавно член по отряду, который рассредоточился по лагерю, рассказал ему про странное сооружение с клетками и операционными столами. Видимо, их использовали вплоть до прошлогоднего крупномасштабного наступления. Прямо так и сказал — дрожащим от отвращения голосом.

Так что если бессчетные души погибших «восемьдесят шесть» задержались в этом месте, в покинутом концлагере… они определенно станут упрекать Сири и остальных, бросивших их умирать, а теперь по какой-то причине защищавших белых свиней Республики…

— …Может, им и следует появиться, — тихо произнес про себя Сири. — Пусть рассердятся.

— Хм? Ты что-то сказал, Сири? — Суюи таки услышала шепот Сири.

— Нет, ни… — отозвался тот, качнув головой.

Но когда он собирался договорить…

□

— Могильщик — всему личному составу.

□

…с ними по парарейду синхронизировался еще один человек. Шин. Сири в мгновение ока переключил сознание. От состояния боевой готовности, в котором он отчасти оставался спокойным, тем самым сберегая силы, и сохранял восприимчивость для продолжительного патруля, он перешел к настрою на саму битву, когда все нервы на пределе.

— Зафиксированы наступательные действия Легиона в точке в ста пятидесяти километрах к северо-западу от нашего пункта отправления из Союза, точки Зодиака. Не формирование, только одна машина, предположительно, неопознанный Морфо. Всему составу ударной группы и отрядам — рассредоточиться и оставайтесь осторожными к вражескому артиллерийскому огню.

88-мм пушкой Регинлейва даже можно не надеяться сбить 800-мм снаряд, весящий несколько тонн. Шин приказал по возможности минимизировать ущерб, но Сири сдержал порыв цокнуть.

— Принято…

— Рассчитываем на огонь с координацией вражеских бронетанковых подразделений поблизости. Я проинформирую о любых перемещениях, но все равно не теряйте бдительности. И еще, мы запросили у Союза применить специальную артиллерийскую часть для уничтожения Морфо, поэтому нам незачем переживать за контратаку.

†

— Принято. 8-й артиллерийский полк, приготовиться к стрельбе.

На западном фронте, в двадцати километрах от линии Зентис-Хистрикс. Огромная птица гордо выползла из бетонного тоннеля на реквизированные пути.

Вместо утонченных ножек крылатого животного весь вес перемещали несметное число скрежещущих колес. Вместо глянцевитого бирюзового тела было шасси цвета оголенного металла. По обеим сторонам раскинулись не грациозные крылья, а две пики — они должны будут погасить отдачу. Длинный ствол рельсовой пушки пробуждал образ прелестного плюмажа.

Общая высота составляла двенадцать метров. Вес превышал три тысячи тонн. Тем же типом оружия Морфо изначально угрожал всем известным выжившим человеческим странам: железнодорожная артиллерийская установка, оснащенная рельсовой пушкой.

Это была крупнокалиберная рельсовая пушка, построенная как преемник прототипа месячной давности, Лебедя смерти. Ее создали как часть плана Союза по разработке контрмер против Морфо. Другими словами, у оружия минимальные требования были следующими: огневой мощи должно хватать для поражения цели весом тысяча четыреста тонн на расстоянии свыше четырехсот километров.

Так что пусть до Морфо еще есть куда стремиться, эта гигантская пушка способна разгонять очень большие снаряды до высоких скоростей. Причем размеры ее были столь велики, что перемещение от одной точки в другую представляло самую большую проблему. И раз оружие предназначено в первую очередь для защиты земель Союза, в качестве решения данной проблемы было предложено использовать железнодорожные пути, раскинувшиеся через всю страну. В конце концов, они и нужны для массовых перевозок.

По иронии судьбы, Союз разработал прототип, Лебедь смерти — железнодорожное орудие, мало чем отличающееся от Морфо, которому оно противостояло. Однако его первым полем боя стала далекая Святая теократия. Оружие вывели на первый план гораздо раньше ожидаемого, при том вывели в весьма опрометчивую игру. В той битве к нему присоединили ноги, вынудив передвигаться на них.

Но изначально это было именно железнодорожное орудие. Пусть и сконструированное в спешке и приспособленное для отправки на сместившуюся назад передовую.

Пики зафиксированы. Снаряды загружены. Координаты врага, передаваемые ударной группой, введены. Подтвердив, что артиллерийская команда завершила все приготовления для залпа и эвакуировалась в ров, командир полка поднял голос. Переброска и развертывание железнодорожного орудия таких размеров потребовали участия целого полка.

Ров был выполнен из железобетона: он должен выдержать ударные волны от залпа рельсовой пушки и обеспечить минимальную защиту от вражеской контратаки того же типа оружия.

Офицер-контролер огня положил руку на проводной взрыватель и с напряженным выражением лица посмотрел на командира. Тот кивнул.

— Mk2. Лебедь смерти — Кампф Пфау, огонь!

†

Легион лишил человечество превосходства в воздухе с помощью поденков и Дикобразов, и несмотря на это, в качестве мер предосторожности драгоценный Морфо оснащался зенитной установкой и радаром обширного наблюдения, чтобы защитить машину от крылатых ракет и беспилотников-смертников.

<<Зафиксировано чтение радаром…>>

Целясь своим тридцатиметровым стволом по предположительным координатам, Морфо на мгновение отвлекся на предупреждение радара. Этот Легион приобрел сознательность внедрением нейросети мертвого человека. Пастух, как называли люди такой тип машин. От других пастухов мало чем отличался: в нем обитала личность погибшего в восемьдесят шестом секторе человека; командовал армией призраков.

Свои личность и воспоминания «он», позывной Нидхёгг*, сохранил идеально, вместе с тем инстинкты убийственной машины пробуждали в нем безумие. В нем уже не осталось ни следа того человека, кем когда-то являлся.

[П/П: Один из нескольких великих змеев в скандинавской мифологии]

Он с бесстрастностью механического монстра оценил степень угрозы целящегося в него противника. Огневая позиция расположена примерно в двухстах километрах, направление — юго-запад, высокая скорость снаряда. Судя по всему, это вражеская рельсовая пушка.

Однако…

<<Уклонение сочтено ненужным.>>

…радар проложил траекторию снаряда, и Нидхёгг под нее не попадал. Они промахнутся, даже не задев его. Нет необходимости уклоняться… и прекращать огонь.

<<Возобновление последовательности залпа.>>

†

Крупнокалиберная рельсовая пушка Союза, разработанная как контрмера Морфо, все еще находилась на стадии прототипа. Месяц назад прототип был перепрофилирован из образца для испытаний в Лебедя смерти и выпущен непосредственно в бой. После анализа разного рода данных, полученных в том сражении, их немедленно использовали для определения критических недочетов, нуждающихся в улучшении. Эти недочеты учли в конструкции следующего прототипа, и приступили к его производству.

Однако исправить все недостатки до единого за один месяц не представлялось возможным. Медленный механизм автоматической перезарядки и несовершенная система управления огня оставались медленным и несовершенной соответственно.

Вместе с тем Легион поставлял все больше Морфо и улучшенные версии этого типа машин, еще и линии фронта откатились назад. У Союза в распоряжении едва ли имелись средства для контратаки. Они нуждались в рельсовой пушке с похожей дальнобойностью, способной угомонить вражеского Морфо. И все же им не хватало времени, чтобы доработать автоматическую перезарядку и систему управления огня.

Но однажды во время собрания в институте технологических исследований к кому-то, несмотря на помутненный недосыпом разум, пришло осознание: нужно лишь взглянуть на проблему с другой стороны.

Задача стояла одна: вывести из строя вражескую рельсовую пушку. И Лебедь смерти уже подходил под минимальные требования, то есть он мог уничтожить цель на расстоянии в сотни километров. Это значит, что доводить до ума автоматическую перезарядку и системы управления огня вовсе не обязательно.

Главное сделать так, чтобы снаряд поразил цель.

—

— Первый выстрел есть. Подготовить второй и третий!

Автоматическое стреляющее устройство Кампф Пфау не было готово. Снаряды руками не загрузишь, используемый для этих задач кран требовал много времени и внимания. И несмотря на это, командир полка отдал приказ открыть огонь в быстрой последователи. Артиллерист беспрекословно, и даже не подтвердив попадание первым выстрелом, приступил к регулировке прицела, меняя угол.

Да, ведь нет нужды обращать внимание на вопрос «попал или не попал». Не в случае Кампф Пфау. Не предполагалось, что первый выстрел придется по цели.

— Есть, подготовить второй и третий!

Рельсы загрохотали. Поднялась тепловая дымка, но не от пары направляющих, производивших первый выстрел. Улучшенная модель рельсовой пушки, установленная во всей своей массивной металлической красе на путях, оснащалась двенадцатью вытянутыми стволами — тянувшиеся в небо, они напоминали спинной плавник.

Если точность стрельбы была паршивой, компенсировать достаточно количеством. Если скорость заряжания была медленной, достаточно заранее подготовить несколько пушек.

Кампф Пфау — Боевой павлин.

Идущие друг за другом стволы походили на красивый павлиний хвост. И так же, как павлин заклевывает гадюку, Камп Пфау уничтожит вражескую рельсовую пушку. Оружие короновано свирепостью этой птицы, отождествленной с богом-покровителем Союза, который, как говорят, однажды сразил злого дракона с далеких земель.

— Второе дуло, далее третье дуло… огонь!

†

Игнорируя приближающийся снаряд противника, Морфо продолжил подготовку к залпу. Охлаждающие крылья раскрыты, жидкий металл начал просачиваться в похожий на копье ствол. Было принято положение для стрельбы, точно гадюка подняла голову, чтобы затем укусить.

<<Нидхёгг — глобальной сети. Открываю о…>>

Но в этот миг…

Его радар уловил залп снарядов в его сторону, летящих на той же скорости, что и выпущенный ранее врагом. У каждого была своя траектория.

<<!..>>

И одна из рассчитанных траекторий вызвала срабатывание предупреждения. Сигнал призывал Морфо уклониться, нервная система из жидких микромашин сработала молниеносно, но возможности уйти не было — любой шаг в сторону обернется попаданием другого снаряда.

Поэтому…

<<Нидхёгг, возобновление последовательности залпа.>>

Инстинкты боевой машины не ведали страха смерти. Он хладнокровно и спокойно отдал приоритет задаче. По стволу пробежала голубая молния. Первый вражеский снаряд наконец-то разорвался. Как было рассчитано, он очень сильно промахнулся мимо цели, попав в далекий холм и взорвав деревья.

Но затем шли второй, третий и четвертый залпы. Огонь вышел неуправляемым, с большого расстояния и с высокой вероятностью круговой ошибки. Но артподготовка производилась с настолько малой прицельной точностью, что получилось захватить и цель — окрестности Морфо.

Второй выстрел разбил рельсы, те, в свою очередь, поразили одну зенитку.

Третий едва коснулся ствола и влетел в землю позади, проделав в ней огромную дыру.

Четвертый снаряд просто пролетел мимо, врезавшись в столпотворение Нимфалидов.

<<Возо…>>

А затем…

Пятый снаряд, выпущенный с дальнего расстояния, безжалостно вонзился в бок огромного дракона, точно копье, брошенное могучим героем.

http://tl.rulate.ru/book/36621/2455401